

Писатель Никаноров проживал в Подмосковье, в бывшем наукограде. Кроме литературной профессии имел он и другие занятия: являлся подполковником запаса, а в отставке работал инженером в дотлевающем научно-исследовательском институте по профилю бывшей службы. Военная пенсия и какое-никакое жалованье в институте кормило семью и позволило пережить самые лихие годы «волчьих девяностых».

Сразу по окончании Олимпиады в Афинах ему стукнуло шестьдесят, и перестал он ходить на работу. Сказать, что вышел на пенсию — нелогично; он ее получал уже десять лет. Словом, решил полностью отдаться литературе, благо дети оперились в этой жизни, а им с женой хватало. Как раз заканчивал Никаноров большой роман и даже заранее заручился поддержкой о финансировании издания у бывшего сослуживца.

живца; тот хотя и выбился в люди, но человеком остался. Фирма же его продавала за рубеж остатки неликвидов из числа ценных материалов того же самого института.

Полагал Никаноров, что теперь-то последние главы чуть ли не сами напишутся — ведь сейчас не только выходные и будние вечера в распоряжении его пера! Однако, недоучел специфику психики человека в переломные для жизни моменты, расслабился (не водка, конечно, имеется в виду) и за весь сентябрь вымучил только один крохотный эпизод девятнадцатой главы.

Никаноров затосковал, но жена нашла выход и посоветовала развезься, съездить на недельку в недалекую Тулу:

— Поезжай, Андрей Сергеич уже который год зовет, поохотитесь с ним, как раз сезон открывается.

И верно, опять же бывший сослуживец в августе звонил, поздравлял с «выходом на гражданскую», звал на уток... И главное, в голове образовалось: побывать в толстовских местах, вдохновиться. Со стыдом вспомнил: лет двадцать как в Ясной Поляне не был ... писатель называется! Сразу согласился, а уже к вечеру следующего дня закусывал в компании приятеля и его добрейшей супруги летними хозяйскими припасами привезенный с собою коньяк.

До открытия охоты оставалась пара дней, потому коньяк — свой и алаверды — пил умеренно, а наутро сел в щекинский автолайн, бодро дошагал от развилки до знаменитых въездных башен, протянул в окошко кассы удостоверение члена Союза писателей, памятуя, что двадцать лет тому назад членов Союза впускали в музей-усадьбу по бесплатной контрамарке, о чем он и напомним молоденькой кассирше. Та недоуменно выслушала, заявила, что никаких льгот никому уже давно нет, а билет с экскурсией стоит сто рублей. Ходят тут, мол, всякие.

...Возвратился в Тулу Никаноров несколько раздосадованным, но начавшаяся охота на водоплавающую дичь его отвлекла. Вернулся он домой хорошо отдохнувшим и с вдохновением, но скорее пессимистического характера, а потому в начало следующей главы своего романа вставил фантастический эпизод. Впрочем, модный в отечественной прозе в последние десять-пятнадцать лет.

...Всем известны успехи современной науки в части генетики; ее высшим достижением явилось развитие практического клонирования, то есть воссоздания из одной единственной молекулы ДНК всего целостного организма. Как известно, клонирование человека запрещено законодательно во всех странах мира, где это умеют делать. Понятно почему: каждая из сторон имеет законное опасение, что их исторический супостат-противник вырастит полки суворовых, роммелей, наполеонов и пр. И тем более понятно, что работы по клонированию человека, что называется подпольно, тотчас и начались во всех этих цар-

ствах-государствах. Не следует и пояснять: эти исследования курировались спецслужбами на государственных уровнях.

Единственным исключением оказалась Россия; опять же и дураку понятно почему. Но — свято место пусто не бывает. Или, как говорил философ Лейбниц: природа не терпит пустоты. Поэтому в России на себя эту обязанность взяли патриотически настроенные ученые, где-то в Томске или в Новосибирске, словом, в некоем еще сохранившемся научном центре.

А дальше случилось то, что случается с мастеровыми русскими людьми со времен Ползунова и братьев Черепановых: в отсутствии денег и необходимого инструмента они такое вмиг сотворят, что в европах-америках долго затылки яйцеголовые чешут. Так и наши подпольные ученые, радея за место государства в части щекотливой науки, на допотопном биологическом оборудовании не только вперед всех европейских и американских «нобелистов» научились клонировать человеческий организм, но попутно решили и сверхзадачу: ускорили рост, физическое и умственное развитие клона в сто раз! Но и опять были бы они не русскими людьми, если бы не страдали комплексом Левши из лесковского рассказа. Как тот подковал блоху, но, не ведая законов биомеханики, не рассчитал тяжести подков и обездвижил насекомое, так и наши подпольные ученые научились в сто раз скорее развивать организм, но не смогли останавливать это развитие в нужном возрасте, то есть в двадцать, тридцать лет... Еле-еле осилили этот останок в возрасте, соответствующем предельному для предшественника клона. Такая вот петрушка получилась. А все дело в том, что не было у них сорока штук баксов для покупки за рубежом машины для ДНК-анализа, что имеется в самой захудалой западной больничке! Поэтому, оставив на светлое будущее решение возникшей задачи, решили сибиряки испытать свое открытие на каком-нибудь великом человеке.

Опять же, поскольку были наши гениальные ученые подпольщиками вне закона, то возник вопрос о генетическом материале. Где тайно взять ДНК давно умершего великого? Выручил коллектив профессор Перерушев Аркадий Гаврилович, страстный почитатель Льва Толстого, коллекционер всего, что связано с его именем. В советское время каждый профессор, а то и доцент, увлекались чем-либо интеллектуальным, далеким от основной работы. Дело в том, что самым большим раритетом коллекции Аркадия Гавриловича являлся изящный дамский медальон-ладанка с прядью волос Льва Николаевича. Достался он профессору от бабушки, в начале века московской консерваторки и страстной почитательницы гения земли русской.

Поначалу коллектив засмутился, засомневался: дескать, морально ли это, все же гордость народа, на издевательство над памятью великого похоже... Но Перерушев, уже предчувствуя встречу и беседы о

смысле жизни со своим литературным кумиром, заволновался, раскричался:

— ...Где я вам биоартефакты Сталина или Суворова возьму? Что есть, то и есть, а пока мы, гнилая интеллигенция — правильно о нас Владимир Ильич говорил,— будем умничать и морализировать, америкосы тысячи копий Шварценеггеров и Майклов Джексонев настроят. И что тогда будет? Каждый Шварценеггер захапает себе территорию размером с Калифорнию, а Джексонев опи.....т весь мир!

Почему-то именно последний довод убедил компатриотов. Дело закипело и уже к концу октября следующего за началом эксперимента года Аркадий Гаврилович любовно смотрел на вдохновенное лицо Толстого, столь знакомое по фотографиям последнего года жизни великого учителя и проповедника. Толстого спящего, ибо процесс физиологического ускоренного развития и, увы, старения клона совершался в анабиозе. Опять же возник вопрос: пора будить, 31-ое октября на носу*, а как клон поведет себя? Выручил опять же профессор Перерушев, предвкушавший долгие беседы с Учителем:

— Нужно, чтобы он проснулся в той же обстановке, что и накануне кончины. Понятно, проснулся не в жару и ознобе, как то было со Львом Николаевичем, а здоровехоньким. Мы ему перед пробуждением интенсивную терапию антибиотиками проведем. Давайте обсудим, как это все сделать.

Благо, накануне в их институте выдали зарплату за три летних месяца, поэтому, выдав женам на хозяйство по минимуму, ученые сбросились (а Перерушев еще и фамильный золотой портсигар новорусскому коллекционеру за три тысячи доллоров толкнул), зафрахтовали у дальнобойщиков фуру и доставили спящего клона, необходимую аппаратуру и самих себя на станцию Астапово. Совсем уж на последние деньги заарендовали на неделю бывшую квартиру начальника станции И. И. Озолина — выдали себя за киношников.

Про киношников скоро узнали все население маленького станционного поселка, поэтому никто не удивился, когда утром 13-го ноября** в станционный зал ожидания, к кассе подошел старик с длинной бородой и косматыми бровями в странной длиннополой одежде и сапогах. «Смотри, смотри! Этот актер Толстого играет. Говорят, шестидесятисерийный блокбастер снимают...» — зашептался народ в зале.

Меж тем старец, назвав кассиршу милой барышней, попросил один билет до Ясной Поляны с пересадкой в Козельске. Но барышня огорошила: так по железной дороге доехать нельзя. Старец растерялся, но

---

* Л.Н.Толстой скончался 31 октября 1910 года.

** То есть по старому стилю 31 октября.

тут к нему подскочил Петруха, местный парень, подрабатывавший частным извозом:

— Давайте, товарищ артист, мигом домчу. И возьму по-божески из уважения.

Старец чуть помедлил и послушно пошел за автомобилистом. Покоясь на мягком заднем сиденье «москвича», старец, только что отошедший от нездоровья, длившегося тяжело и мучительно почти неделю, да еще в постоянных переездах, боязни, что за ним пошлют домашнюю погоню, восстанавливал в некогда цепкой памяти события сегодняшнего утра: как он проснулся, нет, очнулся совершенно здоровым, без липкого пота горячки, без озноба. Какие-то незнакомые, но добрые люди помогли ему одеться, что-то положили в его бумажник (а вроде и не его бумажник?), подвели к вокзалу. Он как будто заново родился: все вокруг изменилось, поезда не ходят прежним путем, а таких роскошных авто он и в Москве не видывал... Догадывался, что болезнь случилась нешуточная, раз весь мир воспринимается иным. Такое с ним было только в далеком-предалеком детстве после сильной, горячечной простудной болезни.

За их «москвичом» неотступно следовала бежевая «волга» с сибирскими учеными. Перерушевым тож. Только одна мысль заполняла большелобую голову Аркадия Гавриловича: «О чем сейчас думает Учитель?».

А старец, ощущая прилив ясности мышления, что бывает с любым человеком после тяжелой болезни, не замечая мелькавших за окном странных пейзажей, думал, что напрасно он поддался хандре, самоистязал себя душевно. Опять же этот суматошный отъезд без цели странствования...

К полудню распогодилось, осеннее солнце хотя и не грело, но радовало душу. Казалось старцу, что теперь все разрешится. И Соня, и дети поймут, что не в деньгах счастье, но в служении людям, человечеству, в личном самосовершенствовании. Да и не свойственно русскому человеку преклонение перед золотым тельцом; это ведь не протестантский Запад с его торгашеством и накопительством... Он почувствовал прилив энергии, замечтался, как лет через сто, уже в начале XXI века и нового тысячелетия деньги и вовсе исчезнут из обихода, а в его любимую Ясную Поляну будут стекаться тысячи и тысячи людей. Может, и его добрым словом помянут, прогуливаясь по тенистым аллеям, по его заветным местам...

Вот и Поляна, авто остановилось возле самых въездных башен. Старец вынул бумажник, раскрыл: и деньги он перестал узнавать, считая это за добрый знак — в унисон его мыслям. Протянул деньги шоферу. Тот заулыбался, взял несколько бумажек:

— В расчете, этого хватит. Может, вас подождать? И мне назад не порожняком ехать.

Старец молчал, а шофер, чуть отъехав, остановился: может, найдет пассажиров до Тулы, заодно и к сеструхе заглянет. Давно не видел.

Узнавая и вместе с тем не узнавая многих деталей, старец прошел между въездными башенками, несколько озадаченный многолюдством снующих туда-сюда, да в какой-то странной одежде? Однако двинулся вперед по плотинной дороге, но был остановлен неким мундирным: армейским или полицейским; опять же в новомодном мундире:

— Вы, я вижу, забыли билет приобрести? Пройдите к кассе,— и полицейский чин указал рукой на окошечко в домике-пристройке у левой въездной башни. Мало что поняв, старец подошел к окошку, в глубине которого виднелась молодая девица, стриженная под курсистку.

Девица была занята беседой с кем-то, не видимым снаружи в окошко, а глаза старца узрели текст объявления, обрамленный и остекленный. Из текста следовало, что билет на экскурсию по усадьбе стоит сто рублей. «Как?! — вскипела его душа,— не успел я из дома уйти, неделя всего прошла, а они Дом мой в дом торговли* превратили? А я-то, наивный, полагал, что своим уходом разбужу в них совесть, понимание мыслей и дел моих...

Снова, как вчера и в предыдущие дни в поезде, в Шамордино и Козельске, в квартире начальника станции в Астапово, зазнобило, тут же бросило в жар, в голове застучали молотки плотников, а потом и вовсе забухали фабричные молоты. С трудом, как некогда в гору на Кавказе поднимаясь, он протащился мимо белых въездных башен, теперь уже навсегда покидая свою Ясную, глядя себе под ноги, чтобы не заплелась, медленно пошел под гору по широкой площади.

— Эй, артист? — окликнул его давешний шофер,— куда везти?

Старец поравнялся с «москвичом» и с трудом втиснулся в предупредительно открытую шофером дверь. Он и не видел, как в стоявшую позади «волгу» суетливо усаживаются взволнованные ученые-сибиряки.

— Так куда прикажете?

— В Астапово,— едва пошевелил губами старец и впал в болезненное забытье.

* Евангельские слова.